

ЭМОЦИИ ПО КРАЯМ

ПАЦАНСКИЙ РАЗГОВОР: ЛАГЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

© Ю. Е. Пермяков

В статье поставлен вопрос о специфике так называемого «пацанского разговора», в котором, по мнению автора, разговор теряет свои существенные признаки. Специфика этого стиля речи раскрывается через понятие лагерной стратегии выживания.

Ключевые слова: общение, разговор, лагерь, норма речи.

Пермяков Юрий Евгеньевич
кандидат юридических наук,
доцент
кафедра теории и истории
государства и права
Самарский
государственный университет
permyakov54@mail.ru

Никогда не задумывался над тем, почему не принято брать сигарету из пачки, когда предлагают закурить, если она последняя. Часто слышал «последнюю не беру», но лишь недавно понял лагерное происхождение поговорки. За этим открытием последовали другие, общим итогом погружения в эту тематику стало неотвязное ощущение близости, казалось бы, навсегда ушедшей в прошлое эпохи, породившей множество интонаций, специфических жестов, смыслов.

Для начала — несколько детских впечатлений от того, что в этом тексте именовано пацанским разговором: мне навстречу идут два подростка моего возраста или чуть старше. От остальных прохожих их отличает яростная манера общения и выразительная жестикуляция. Поражало то, что вокруг не было той аудитории, к которой могла бы быть адресована их громкая речь. И, с другой стороны, была очевидная неуместность излишней экзальтации в личном разговоре.

Этот эпизод стерся в моей памяти, дело было давно. И я бы его не вспомнил. Но однажды по телевидению показали интервью

государственного чиновника, и в памяти всплыл не только сам уличный разговор, но и «болоньи» плащи на ребятах, их жесты и лёд на ноябрьских лужах. Министр по чрезвычайным ситуациям С. К. Шойгу отвечал на вопросы журналиста, в частности, о том, как ему удалось быстро ликвидировать последствия аварии на теплоэлектростанции в замерзающем сибирском городе и почему местным коммунальным службам это не удавалось. «Секрета нет, — говорил он. — За работу надо платить». И далее в его пояснениях я услышал очень знакомую интонацию: «Сделал — на! сделал — на!». Я берусь утверждать, что эта интонация не обусловлена эмоциональным состоянием говорящего человека, она предназначена для обозначения статуса внутри конструируемой социальной ситуации. Так говорит тот, кто выступает от имени общества в защиту ранее привычных, но сейчас попираемых норм. В этой интонации есть и извинительное раздражение, и ставшая привычной усталость от борьбы за очевидные ценности. И, возможно, самое существенное: так говорит тот, кто говорит не от своего имени. Здесь нет места личной позиции.

Другое детское воспоминание касается смеха. Как-то я на аллее услышал коллективный смех, который больше походил на кошачий вой. Здесь тоже были удивившие меня интонации: было ясно, что смеющемуся человеку не смешно. Но в отличие от киношных богатырей, которые также смеются демонстративно, похвально своей силой и превосходством, молодые люди однозначно не рассчитывали на моральное одобрение обывателей. Более того, их смех демонстрировал отрешенность от обычного, нормального, естественного и человеческого.

Теперь — собственно о пацанском разговоре. Как точно именовать эту форму общения, я не знаю. Она не является исключительной принадлежностью молодежной или криминальной субкультуры. Её специфику нельзя усматривать в одном лишь уголовном жаргоне или в принадлежности к девиантному поведению. Поэтому, кстати говоря, я не думаю, что пацанский разговор встречается везде, где есть сообщество изгоев. Наконец, мне неизвестна наука о сравнении человеческих интонаций. Возможно, речь должна идти о повествовательной стратегии, если согласиться с тем, что уничтожение повествования может составлять одну из его стратегий. Пацанский разговор являет собой архаизацию общения, возвращение к его примитивным формам, движение культуры вспять, к своему началу, к возвращению слову одной лишь функции восклицания. Однако науке, увлеченной идеей развития и совершенствования изучаемой материи, трудно рассуждать о деградации культуры и примитивизации общения. Поэтому, наверное, проще начать обсуждение темы с наблюдения за поведением подростков, которые везде — в школе, пионерлагере, армии, на заводе, не говоря уже собственно об исправительных колониях и школах-интернатах, — вовлекались в пространство лагерной жизни, неотъемлемой частью которой и выступает пацанский разговор.

Через лагерь проходили все. В советское время это была одна из самых востребованных форм социализации. На собеседовании в УВД Самарской области, где мне предложили работать в системе ИТУ (исправи-

тельно-трудовых учреждений), меня, двадцатидвухлетнего студента, спросили: Вы в тюрьме были, работа надзирающего состава Вам знакома? — Нет, ответил я. А в армии? — Был. Ну, — сказали мне, — это одно и то же. Офицер-кадровик имел в виду отрядную систему. Но он был прав и по более серьезному счету, потому что вся жизнь советского общества была устроена по армейскому образцу. Заимствованное у военных слово «лагерь» («место размещения войск вне населенного пункта») в советской жизни приобрело более емкий и универсальный смысл. Лагерями в той или иной степени были практически все социальные институты, в деятельности которых заметную и определяющую роль играла официальная инстанция: детские сады, школы, пионерские лагеря, лагеря труда и отдыха для старшекласников, армия, тюремная камера, больничная палата, общежитие ПТУ, заводской цех, отдел в учреждении, спортивная секция — все они представляли собой разновидности лагеря, за пределами которого его инфантильные обитатели неминуемо приобретали упречный статус: в тюрьме ты такой, как все, за ее пределами — беглец и преступник. Солдат за пределами воинской части — дезертир или самовольщик. Рабочий вне цеха — прогульщик, пионер за пределами территории лагеря — нарушитель распорядка. Школьник, оказавшийся без сопровождения учителя в школьном дворе, подозрителен. И даже больной, который вышел в больничный скверик покурить без халата или в неположенный час, уже был готов к тому, чтобы услышать оклик медсестры, пресекающей нарушение больничного режима¹.

Поведение в лагере жестко регламентировано. С изучения правил внутреннего распорядка — школьного расписания, времени отдыха, очередности приема пищи, территориального расположения площадок для игр, графика приема по личным вопросам — начиналось пребывание советского человека в школе, санатории, доме отдыха, гостинице и т. д. Личной жизни в лагере нет ни у кого, все происходит у всех на виду. При поселении в гостиницу граждане заполняли анкету, в которой указывали цель приезда. Утренние разводы, вечерние проверки, обед в столовых за закрепленными столиками — все это было рассчитано на то, чтобы оперативно установить, кто отсутствует, все ли на месте, нет ли причин для беспокойства администрации.

Плотный контроль в свою очередь был обусловлен тем, что весь лагерный режим обеспечивал исполнение контингентом общественных обязанностей — отбытия наказания, работы, службы, укрепления собственного здоровья (которое, кстати говоря, также признавалось общественным достоянием) и т. д. Исполнение публичных функций рассматривалось не просто как должное поведение, а как устранение либо нейтрализация постоянно присутствующей внешней угрозы. За границей лагеря располагался известный враг либо деперсонифицированная и неопределенная опасность, например, «холера», «подворотня», «голод»...

¹ В своей заповедной концентрации зла лагерная жизнь как таковая может быть лишь подлостью, как это показано Варламом Шаламовым в «Колымских рассказах».

Строгий лагерный режим уменьшал риск внешнего насилия и опасности, гарантировал устойчивость социальных отношений, но по своей природе был дискомфортен. Он вынуждал людей приспосабливаться к нему, и успех адаптации к лагерным порядкам определялся тем, в какой степени человеку удавалось приобрести черты акцентуированной, стало быть, уязвимой личности².

Наконец, для лагеря были характерны тотальный дефицит благ, услуг и товаров. Не важно, выступал ли дефицит следствием политики власти (например, ограничения заключенных в свидании с близкими, отказ в предоставлении визы для зарубежной туристической поездки), либо он был естественным следствием каких-либо исторических причин и закономерностей. Возможности удовлетворения обычных потребностей в лагере ограничены. Это означает, что помимо лагерной администрации и лагерного режима неизбежно возникает такая форма организации того же самого лагерного контингента, которая должна стать защитой его обитателей от средств и санкций официального контроля. Возникают так называемые параллельные структуры власти: дедовщина в армии, паханы на зоне — для обозначения всех этих неформальных лидеров даже соответствующих слов не придумано. Иногда эти разные полюсы власти вступали в резкую конфронтацию друг с другом, иногда — находили общий язык и возможности для компромиссов. Уважаемые заводской администрацией старожилы и ветераны труда, чьи портреты украшали цеховую доску почета, считали возможным посылать молодых стажеров через дыру в заборе за водкой в ближайший магазин. Все эти картины советского быта настолько хорошо известны, что, наверное, нет смысла об этом специально упоминать. Любая мелочь в самом что ни на есть посредственном фильме того времени напомнит о лагере весьма красноречиво: очередь за утюгом в общежитии, ссора на коммунальной кухне, склонившийся над неоконченным письмом солдата командир роты и т. д.

Итак, лагерь в настоящей статье понимается как изолированное (то есть закрытое и защищенное) от враждебного окружения пространство, в котором постоянно меняющийся и, как правило, однопольный контингент находится в условиях жесткого и практически тотального надзора. Морально-психологическими следствиями такой организации социума выступали: обоюдная вражда лагерного контингента с администрацией, тревожность, взрывная агрессия, непосредственная зависимость статуса человека от внешних оценок. Моральная упречность сопровождала практически любой вид деятельности его обитателей: чиновников не любили за то, что они бюрократы. Работников торговли не любили за то, что они «торгаши». Сотрудни-

² Думаю, именно в этом смысле следует истолковывать отношение писателя Варлама Шаламова к лагерному опыту, который, по его мнению, не нужно знать человеку. («Ужасно видеть лагерь, и ни одному человеку в мире не надо знать лагерей. Лагерный опыт — целиком отрицательный до единой минуты. Человек становится только хуже. И не может быть иначе...»)

ков правоохранительных органов — за то, что они лишают свободы, и т. д. Возникает особая форма отношений, когда носитель какой-либо социальной роли пользуется как капиталом возможностью «разоблачить» собственный статус. В доверительных разговорах работники колбасных фабрик не советовали есть колбасу, работники винных заводов — пить изготовленное ими вино, работники мебельной фабрики — покупать сделанные ими шкафы. Молодежь во взаимоотношениях с военным поколением испытывала моральный гнет от того, что она родилась после войны и не знала голода и бомбежки, о чем ей неустанно напоминала эстрада и партийно-комсомольская риторика. Ей, в свою очередь, тоже было на что пожаловаться³.

Каждый шаг в неизвестность таил в себе опасность наказания — как со стороны своих, так и со стороны власти. Поэтому творческое и активное начало не поощрялось. Заводчане не любили так называемых передовиков производства, из-за которых срезали расценки оплаты труда. В вузах чрезмерно любопытные и творчески мыслящие студенты вызывали беспокойство у декана и тех идеологических служб, которые курировали учебные заведения.

Поступки, как и реакция на них, в лагерной среде шаблонизируются. Внешние негативные оценки и санкции создают основу для внутренней моральной консолидации, которая в условиях дефицита средств воздействия на нарушителя групповых норм оборачивается привычной жестокостью: если в условиях скудости невозможно отобрать какое-то благо (особенно в колонии или в армии), у нарушителя внутригрупповых норм отбирают здоровье и достоинство — т. е. то, чем обычно располагает живой человек. Особая склонность молодых людей к физическому насилию не миф (*malus puer robustus*: «сильный юноша зол»), но — это нужно принять — естественная для слабо институционализированной среды форма социальной защиты. Когда выбор санкций минимален, образуется каста «опущенных»⁴.

Вследствие тотальной регламентации изолированная от внешнего мира общность неизбежно испытывает эмоциональный голод: картежная игра, публичные разборки, пересказ известных сюжетов и на ходу сочиняемые легенды компенсируют отчасти экзистенциальную потребность человека в событии как таковом. Из «лагерной» прозы (А. Солженицын, Л. Гинзбург, Л. Разгон, Ю. Домбровский и др.) известно, какими привилегиями и покровительством пользовались те, кто умел «тискать романы». Примечательно, что обстрел Белого дома в октябре 1993 г. собрал большое количество зевак, это обстоятельство бросалось в глаза всем, кто смотрел телерепортажи с места события.

В условиях дефицита событийности насилие становится не просто желательным событием, но и событием эстетическим: оно принимает форму

³ Здесь уместно напомнить талантливо снятый фильм Юрия Подниекса «Легко ли быть молодым» (1987).

⁴ Этот процесс описан советским криминологом Г. Ф. Хохряковым в книге «Парадоксы тюрьмы» (см. его: Парадоксы тюрьмы. М., 1991).

театрализованного издевательства⁵. Травля внутри творческого, трудового или школьного коллектива никогда не станет обычным делом, если у группы нет притязаний на замещение официальной инстанции. И хотя в России политическая власть довольно часто выступала инициатором нелегитимного преследования неугодных ей представителей творческой интеллигенции, сам факт её обращения к различным творческим союзам и писательским организациям свидетельствует о её желании отстраниться от расправы, в которой она по каким-либо соображениям испытывает нужду.

Норма существует в том случае, если применяется санкция, иного способа убедиться в ее существовании нет. Поэтому в каждой группе находятся не только нарушители групповой солидарности, но и те, кто берет на себя ответственность за поддержание группового нормативного порядка, слишком неточно именуемые в публицистике неформальными лидерами. Существование меж двух полюсов легитимности оказывается непростым делом. Подвиг и награда, преступление и кара своими основаниями упираются в один и тот же поступок: одни бьют за то, что другие поощряют, и наоборот. Эту дьявольскую диалектику осложняет принцип коллективной ответственности, т. е. с позиции индивида — безвиновной ответственности, когда за действия одного члена сообщества наказывают всех остальных. Вопреки всяким правовым представлениям о справедливости, основанием ответственности выступает не поступок, а статус как таковой.

Становится понятно, что обычный разговор в лагерной обстановке — нечто большее, чем заинтересованная беседа, обмен информацией или мнениями. Он содержит в себе стратегию анонимного выживания и сам оказывается одним из способов реализации конкретно выбранной стратегии — той, которая в оптимальной мере соответствует индивидуальным характеристикам человека: его выносливости, силе, сообразительности, коммуникабельности и т. д.

В пацанском разговоре недопустима ошибка в выборе интонации и того типажа, от имени или с позиций которого он ведется. «Не блатуй!» — это принцип, согласно которому недопустимо присваивать незаслуженный статус в обществе, где не знают твоей истории. За наколки, которые неверно указывали статус человека в лагерной иерархии, криминальное сообщество жестоко наказывало.

Позволю опять вернуться к детским впечатлениям. В какой-то момент стало ясно, что общая тональность разговоров у моих сверстников изменилась и между нами возникла ранее неуместная озлобленность. Круг настоящих друзей, с которыми были возможны искренние и теплые отно-

⁵ Травля как форма социальной организации и защиты свойственна далеко не всем историческим временам и вписывается не во всякую политическую реальность. Этот феномен еще ждет своих исследователей. Художественному осмыслению травли и нелегитимного коллективного насилия посвящены, в частности, фильмы «Чучело» (реж. Ролан Быков, 1983), «Кафедра» (реж. Марк Розовский, 1982) и др. Здесь же надо назвать и повесть Л. Габешева «Одлян, или Воздух свободы» (1990).

шения, сузился. На посиделках стали травить анекдоты, пробовать курить и практиковаться в нецензурной лексике. И опять же: я помню свое изумление от впервые услышанного анекдота: мои старшие друзья смеялись над кем-то выдуманной глупой историей. Анекдоты рассказывались часто и из них выводились нормы поведения, типология жизненных ситуаций и человеческих характеров. Надо было выбрать неуязвимый для жесткой критики тип поведения и соответствовать ему.

Помимо анекдотов практиковались рифмованные перепалки: один проносил рифмованную фразу, оскорблявшую кого-либо из присутствующих, и тому нужно было «остроумно» ответить, желательно — известным афоризмом. Их было великое множество. Этот стиль общения не допускал серьезных рассуждений или требующего внимания и мыслительной работы изложения. Те, кто знал большое количество этих «ловушек» и остроумных выходов из них, пользовались уважением. Чем позднее следовала реакция на поступок и слово, тем больше возрастала вероятность приобретения нежелательного социального клейма. Поэтому для пацанского разговора характерны насадная интонация, опережающие предостережения, перебивания, восклицания посреди чужой речи, мат — все это должно гарантировать, что сказанное тобой слово не окажется доносом, не будет воспринято как непростительная трусость или свидетельство слабости.

В этом контексте речь теряет свое информативно-нарративное значение, на анализе которого сосредоточены современные философы. Определяющими ее суть становятся ритм и мелодика, и сама она предназначена быть уже не столько сообщением, сколько узнаваемым знаком, сигналом, приветствием. Не важно, что ты скажешь, важно, как ты это скажешь, важен сам факт твоего говорения. Неудивительно, что в пацанском разговоре так много незавершенных фраз, которые извне воспринимаются как бессмысленное бормотание или имитация рассуждения с самим собой.

Поскольку в разговоре необходимо демонстрировать принадлежность к общности и, в частности, к выразителям ее норм и принципов, интонация говорящего полна намеков на какую-то историю в прошлом — такую, которая гарантирует некие общие основания участников беседы и желаемую репутацию. Что это за история, была ли она в действительности — не так важно. Важнее побрякаться и произнести сокрушенно: «Да, было дело ...» и отмахнуться от воспоминаний, не завершив изложения, но ясно дав понять, что нечто было круто, по полной программе. Сами же участники и свидетели этого события, если они окажутся рядом, по правилам пацанского разговора должны подтвердить факт имевшегося в прошлом события. Но стоит только задать уточняющий вопрос или попросить продолжения рассказа, как возникнет неловкая пауза, — создание легенды такого хода не предполагает⁶. Кто слушал воспоминания рыбака о прошлой рыбалке, тому очень хорошо знакома эта манера ведения беседы.

⁶ В этом аспекте пацанский разговор близок светской беседе, где также важна демонстрация общей истории при отсутствии таковой. Позволю себе привести выдержку из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, где он описывает сватовство

Безусловно, опыт лагерной жизни находит свое выражение в особой лексике. Слова лагерного жаргона лишены универсальных значений, они описывают достаточно узкий круг ситуаций и не выражают общечеловеческих смыслов. Это обстоятельство придает жаргону психотерапевтическое значение: причинять боль человеку труднее, нежели «терпиле», по своей сути предназначенному быть жертвой. Оскорбление женщины представить можно, оскорбление «хевры» — уже труднее. Тот, кто использует уголовный жаргон, ускользает от универсальных моральных и, тем более, правовых определений, снимает неизбежное в таких случаях напряжение, эмоциональный дискомфорт. На примере уголовного жаргона Д. С. Лихачев показал в одной своей ранней работе, написанной в Соловецком лагере, процесс умирания языка.

Жестикуляция — наряду с интонацией и жаргоном — также способствует укрощению индивидуальности субъекта: постоянные колебания кистей рук перед туловищем, а также имитация легкого покашливания или заикания устраняет однозначность ожидаемого ответа. Кто помнит советского актера Петра Алейникова, кстати, воспитанника детской коммуны, тот, возможно, меня лучше поймет. Он изображал этот стиль разговора довольно точно. Плавающая тональность речи, частое мигание, ухмылки, произвольное потирание рукой кончика носа, ушей или губ рассеивают внимание собеседника, отвлекают его от лица, осложняют восприятие речи — подобно тому, как дрожащий язычок змеи делает ее невидимой для намеченной жертвы. Старательное, едва замедленное выговаривание слогов демонстрирует (а чаще является естественным следствием общей заторможенности) состояние здоровья — похмелье, слабость, которые в лагере может позволить себе не всякий фраер (т. е. пацан). Иногда эта замедленность речи заменяет собой рассудительность или символизирует особое отношение к сакральным предметам. (Эпизод из армейской жизни: стоим на плацу в строю в несколько шеренг. Командир роты распекает солдата, у которого обнаружили бутылку водки. Лей-

Анатolia Куракина в усадьбе Болконских. «Разговор шел общий и оживленный благодаря голоску и губке с усиками, поднимавшейся над белыми зубами маленькой княгини. Она встретила князя Василия с тем приемом шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми и который состоит в том, что между человеком, с которым так обращаются, и собой предполагаются какие-то давно установившиеся шуточки и веселые, отчасти не всем известные, забавные воспоминания, когда как никаких таких воспоминаний нет, как их и не было между маленькой княгиней и князем Василием. Князь Василий охотно поддался этому тону; маленькая княгиня вовлекла в это воспоминание никогда не бывших смешных происшествий и Анатолия, которого она почти не знала. М-де Bourienne тоже разделила эти общие воспоминания, и даже княжна Марья с удовольствием почувствовала и себя втянутою в это веселое воспоминание. (...)

— Отчего вы никогда не бывали у Annette? — спросила маленькая княгиня у Анатолия. — А! Я знаю, знаю, — сказала она, подмигнув, — ваш брат Ипполит мне рассказывал про ваши дела. О! — Она погрозила ему пальчиком. — Еще в Париже ваши проказы знаю!» (Толстой Л. Н. Война и мир. Том I-II. М. : Эксмо, 2010. С. 284).

тенант разбивает перед строем бутылку и заставляет солдата убрать осколки. Где-то рядом слышу знакомую мне тягучую речь: «Хочешь наказать — накажи, но бутылку-то за что, она не виновата!»)

В 90-е годы пацанский стиль поведения и разговора вместе с ориентированной на молодежные стандарты журналистикой стал хорошим тоном в политических диспутах. Начало, наверное, было положено В. В. Жириновским, который рта не дает открыть своему оппоненту. Известный инцидент с Б. Е. Немцовым, когда эти двое в телевизионной передаче облили друг друга соком, послужил сигналом к тому, чтобы демократически настроенная интеллигенция научилась себя защищать и также освоила приемы пацанской речи и поведения. И сегодня Николай Сванидзе в передаче «Суд истории» уже не уступает своим запальчивым оппонентам (С. Кургиняну и его единомышленникам): он практикует те же приемы, что и В. В. Жириновский.

Пацанский стиль поведения у современных политиков стал хорошим тоном. В. В. Путин на съезде партии «Единая Россия», характеризуя кого-то из общественных деятелей, заявил, что те «шакалят у иностранных посольств». А президент Д. А. Медведев в разговоре с О. Л. Свибловой в медиа-арт-музее (март 2012) сообщил, что он сам «не парился» по поводу фрагмента послания Федеральному собранию, где речь шла о поддержке государством не только классического, но и современного искусства.

Понятно, что использование жаргона должно подчеркивать близость власти к народу. И, надо сказать, меня не слишком сильно заботит чистота языка и стиль официальной речи как таковые. В том, что государственный чин благодаря каким-либо выученным словечкам «рисует» под крутого», я вижу не проблему языка, а проблему власти, которая не способна в пределах легитимного правопорядка обеспечить реализацию поставленных целей: в армии опирается на «дедов», унижающих новобранцев, в борьбе с преступностью пользуется услугами воров в законе, в борьбе с экстремистами прибегает к помощи киллеров, отвозит строптивых журналистов в лес на «разборку», а в контроле над обществом опирается на дисциплину, которую поддерживают своими средствами и методами паханы и всякого рода бригады и смотрящие.

Мне понятно также и то, что криминальный жаргон и пацанский разговор уместны лишь в лагерной среде, и я знаю, в каком образе представитель власти хотел бы видеть посетителя, когда приглашает его в кабинет для неофициальной беседы, в которой доверительно под знакомыми портретами переходит на особый, описанный выше стиль общения.

Непонятным остается другое: каким образом шаблоны лагерного прошлого востребованы современностью?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой, Л. Н. Война и мир. Том I-II. — М. : Эксмо, 2010.